

Глава 28. Спасение

Цуй Ян бежал сквозь непроглядную тьму, полагаясь лишь на память. Он петлял по горной тропе, стремясь в сторону уезда Шаньнань.

Он не смел забираться в глухую чащу: если преследователи знают эти леса, он обречён. Но и к каменоломне бросаться было нельзя — нельзя навлекать беду на рабочих.

Дорога от деревни Пиньян шла в гору. С обеих сторон тропу стискивали крутые склоны, а внизу, в глубоком овраге, грохотал весенний поток, вздувшийся от паводков.

Цуй Ян никогда не отличался крепким телосложением и не знал хитростей быстрого подъёма. Сил едва хватало, и вскоре Бао Пинъань начал настигать его.

Для Бао Пинъаня, обученного всем премудростям погони, эти горы были родной стихией. Приставы уезда Шаньнань славились умением загонять добычу в леса, чтобы потом, неспешно и насмешливо, играть с жертвой, словно с пойманным зверьком.

Клинок в руке Пинъаня со свистом рассекал воздух, время от времени с лязгом ударяясь о скалы.

— И на что ты надеялся? — донёсся из темноты издевательский голос. — Неужто думал, что сможешь убежать от меня?

Цуй Ян побледнел. Это надменное «от меня» вовсе не походило на говор обычного деревенского жителя. Дело принимало скверный оборот.

Стиснув зубы, он вспомнил рассказы о том, как минчжоуский флот сражался с японскими пиратами. Те были невелики ростом, но стремительны, а их гибкие длинные мечи не оставляли шанса в ближнем бою. Для этого моряки изобрели «лансянь» — копьё в виде «волчьей метлы».

Справа как раз росла густая роща. Весна — время заготовки бамбука, и многие срубленные стволы ещё лежали на склоне, дожидаясь, пока их стащат вниз.

Цуй Ян нырнул в заросли, ухватил один из поваленных стеблей и направил острый верхушечный срез в сторону преследователя.

Бао Пинъань, не ожидая подвоха, запрыгнул на валун у обочины и презрительно ухмыльнулся:

— В гору бежать мочи нет, так ты решил вниз спуститься? Глупец.

С этими словами он прыгнул с камня.

В тот же миг Цуй Ян изо всех сил толкнул бамбуковый шест навстречу. Прыжок Пинъаня и встречный удар палки совпали — раздался глухой стук, и преследователя буквально пригвоздило к месту. Множество мелких веток на конце бамбука обломилось, но острые щепы впились в плоть.

Вскрикнув от боли, Бао Пинъань рванул шест на себя.

Цуй Ян, не ожидавший такой силы, не удержал равновесия. Бамбук ударил его в грудь, и юноша кубарем покатился по склону. Острые камни больно впивались в тело, распоров икру. Цуй Ян сдержал стон, хотя от боли его всего трясло. Кое-как поднявшись, он бросился искать укрытие.

Неподалёку виднелась огромная скала с узкой расщелиной у самого основания. Ниже по склону бешено ревела река.

Цуй Ян забился в тесноту камней, свернувшись в комок и до крови кусая пальцы, лишь бы не выдать себя стоном. По ноге струилось что-то горячее. Он понимал: рана глубокая, по кровавому следу его легко найдут. Оставалось надеяться лишь на милость ночной тьмы.

Но судьба распорядилась иначе. Тучи, скрывавшие луну, разошлись. В ночь шестнадцатого дня лунного месяца небо было ясным, и серебристый свет залил всё вокруг.

Кровавый след на камнях теперь сиял, как указатель.

Хуже всего было то, что длинная тень уже приближалась. В руке того блеснула сталь.

Цуй Ян взглянул на бурлящую воду внизу. Он не мог просто так погибнуть — слишком много дел осталось незавершёнными. Был лишь один шанс: довериться холодному потоку. Может, река подарит ему спасение?

Цуй Ян зажмурился и, оттолкнувшись, сорвался в бездну.

Но в это мгновение чья-то рука железной хваткой вцепилась в него. «Конец», — мелькнула в голове Цуй Яна обречённая мысль.

— Цуй Ян! — раздался до боли знакомый голос.

Сердце юноши пропустило удар. Лу Фэн!

Лу Фэн мчался по следу, сжимая в руке обломок коромысла. Во тьме ориентироваться было трудно, приходилось то и дело останавливаться, высматривая примятую траву. Горная тропа, сложенная из неровных камней, была коварной: в расщелинах между валунами росла скользкая трава, перемешанная с грязью.

Заметив свежие следы на примятых стеблях, Лу Фэн почувствовал, как сердце забилося ещё чаще. В запахе свежей зелени отчётливо проступил металлический аромат крови. Цуй Ян ранен!

Вдруг сверху донеслось:

— И на что ты надеялся? Неужто думал, что сможешь убежать от меня?

Лу Фэн резко вскинул голову. От резкого движения в висках отозвалась боль, а перед глазами всё поплыло. Он невольно попятился, едва не оступившись на самом краю обрыва.

В этот миг в его сознании вспыхнуло странное видение. словно этот голос, эти слова и это место он уже видел когда-то. словно всё это уже случалось!

Такая же глухая ночь. Он, снедаемый тревогой, ищет кого-то в горах. Вокруг — отвесные скалы, а внизу — бездонные провалы, где малейшая ошибка означает смерть. И он не один — кто-то ещё, насмешливо посвистывая, кричит во тьму:

— Ну что, щенок, неужто думал, что убежишь от меня? А ну вернись по-хорошему, пусть сестра придёт и выкупит тебя!

Лу Фэн не мог вспомнить, о какой сестре шла речь. Прошлые видения перемешались с реальностью, заставляя его броситься на звук голоса.

Вскоре он увидел его. Человек стоял на камне, глумливо ухмыляясь:

— В гору бежать мочи нет, так ты решил вниз спуститься? Глупец.

Лу Фэн проследил за его взглядом. Внизу была лишь чернота, но чутьё — или память — подсказывало: там кто-то есть. Кто-то слабый телом, но твёрдый духом, готовый сражаться до конца.

И действительно, стоило преследователю прыгнуть вниз, как раздался крик, а следом — яростный взмах клинка.

— Ах ты, отродье! Ранить меня вздумал? Ну, теперь пеняй на себя!

Слова, будь то из памяти или из яви, отозвались шумом борьбы. Кто-то покатился по склону.

В свете луны Лу Фэн увидел лицо, залитое кровью. Юноша на скале казался совсем молодым, но он каким-то непостижимым образом знал: это Цуй Ян. Маленький Цуй Ян из воспоминаний и нынешний — два образа наслоились друг на друга, залитые кровью.

Лу Фэн обхватил голову руками. Казалось, мозг сейчас взорвётся от невыносимой боли.

Внезапно облака разошлись, и лунный свет залил ущелье.

Видения отступили. Прямо под собой Лу Фэн увидел скалу, а под ней — человека, сжавшегося в комок. В то же мгновение к нему начал подкрадываться мужчина с ножом.

Это уже было!

Лу Фэн, движимый предчувствием, выскочил из засады. Обломок коромысла с глухим стуком обрушился на затылок врага, и он, не теряя ни секунды, бросился к скале.

Он успел как раз в тот миг, когда Цуй Ян решил прыгнуть в реку.

Сердце Лу Фэна замерло. Он рванулся вперёд, и в голове словно что-то лопнуло.

Взглянув в лицо спасённому, Лу Фэн увидел не юношу, а прелестного маленького ребёнка. Тот, плача от пережитого ужаса, прижался к нему и прошептал:

— Брат Лу!..

Шум приближался. Перед тем как броситься в погоню, Лу Фэн успел предупредить старого настоятеля храма Пиньян. Настоятель, пользовавшийся огромным уважением, быстро собрал людей. С десятков крестьян с факелами спешили на помощь, заливая горную тропу ярким светом.

Несколько человек уже спустились по склону и помогли Лу Фэну.

Лу Фэн пришёл в себя. Перед ним был не ребёнок, а Цуй Ян. В его глазах читалось изумление и тихая радость от спасения. Впрочем, стоило их взглядам встретиться, как юноша тут же отвёл взор, скрывая свои чувства.

Но на этот раз Лу Фэн не ощутил привычной горечи. Грань между жизнью и смертью заставила его осознать главное: как бы Цуй Ян к нему ни относился, его безопасность превыше всего.

Заметив, что Цуй Ян ранен и едва держится на ногах, Лу Фэн, не раздумывая, подхватил его на руки.

Юноша вздрогнул и попытался отстраниться. Он отвернул голову, напрягая шею, и явно чувствовал себя неловко.

Лу Фэн лишь крепче прижал его к себе:

— Тише. Идём назад.

Длинными шагами он выбрался на тропу и поспешил вниз с горы. Цуй Ян, не ожидавший такой решительности, оказался в кольце сильных рук. Его щека прижалась к широкой груди Лу Фэна. От быстрого бега тот весь взмок, и жар его тела ощущался даже сквозь пропитанную потом одежду.

Цуй Ян густо покраснел. Он хотел отвернуться, но при такой скорости бега это было невозможно — пришлось крепче ухватиться за куртку Лу Фэна.

Лу Фэн невольно улыбнулся и прибавил ходу.

Они не пошли в старый дом Бао Цюшэна — там всё было перевернуто вверх дном, да и место происшествия нужно было сохранить для разбирательства. Раны Цуй Яна требовали немедленной обработки, а в тесной хижине Лу Фэна было не развернуться.

Старый настоятель, поспевавший за ними, крикнул, чтобы несли сразу в храм. Маленький послушник уже ждал у боковых ворот и провёл их тайной тропой прямо к кельям.

Настоятель указал на комнату:

— Уложи его на постель. — И обернулся к послушнику: — Живо, принеси горячей воды!

Лу Фэн бережно опустил ношу. Стоило Цуй Яну коснуться кровати, как он невольно вскрикнул от боли, потревожив рану.

— Где болит? — тут же спросил Лу Фэн.

Цуй Ян лишь тяжело дышал, не в силах вымолвить ни слова. Раны были по всему телу, но одна, полученная при падении со скалы, терзала особенно сильно — где-то на внутренней стороне

бедра.

Не дождавшись ответа, Лу Фэн решил осмотреть его сам. Взгляд упал на ногу юноши: по белоснежной лодыжке тонкими струйками стекала кровь.

— Рана на ноге? Нужно снять штаны и посмотреть, — сказал Лу Фэн и потянулся к поясу.

Цуй Ян замер. Будь они просто друзьями, в этом не было бы ничего предосудительного. Но его чувства к Лу Фэну были иными, и он до смерти боялся выдать себя.

— Я... я сам! — выдавил он.

Лу Фэн, не заметив его смущения, решил, что Цуй Ян просто не хочет его утруждать:

— Ты и слова-то выговорить не можешь, а всё геройствуешь?

«Я не геройствую!» — хотел возразить Цуй Ян, но Лу Фэн не дал ему шанса. Уложив его поудобнее, он принялся за дело:

— Потерпи. Рана выше, придётся снять совсем.

Цуй Ян впал в оцепенение. Он попытался приподняться, но Лу Фэн мягко придавил его плечом обратно к подушкам и накинул сверху тонкое одеяло:

— Не дергайся, а то простудишься.

«Куда уж тут дергаться...» — подумал Цуй Ян и от стыда накрылся одеялом с головой.

Настоятель осмотрел рану: длинная, с рваными краями, она выглядела устрашающе.

Он нахмурился:

— Нужно шить, иначе не затянется. Плохо только, что порошка Мафэйсань под рукой нет.

Лу Фэн знал об этом средстве: каменотёсы часто получали травмы, и при тяжёлых ранах их поили этим настоем перед лечением.

Настоятель объяснил, что шить придётся глубоко, захватывая живую плоть, и это будет невыносимо больно.

— Двигаться нельзя. Рана в опасном месте: задену крупный сосуд — кровь не остановим, и тогда конец, — старик сурово нахмурился.

Цуй Ян понимал, о чём говорит настоятель. Лекарь Хуа Гудо предупреждал его: в этом месте проходит важная жила. Но выхода не было: без швов рана загноится, и тогда придётся вырезать гнилую плоть.

— Шейте, учитель, — твёрдо сказал он. — Я вытерплю.

Лу Фэн порывался было бежать в город за лекарством, но Цуй Ян покачал головой:

— Ночью лавки закрыты, а днём всё равно придётся ждать лекаря, чтобы выписал рецепт.

Время было дорого. К утру жара усилится, и воспаление начнётся быстрее. Медлить нельзя.

— Дайте мне... какой-нибудь лоскут. Зажму в зубах.

Лу Фэн послушно нашёл чистую ткань. Послушник принёс иглы и кувшин с крепким вином.

Настоятель уверенно взялся за дело.

Цуй Ян зажмурился, до хруста сжав челюстями ткань. На лбу выступил крупный пот, намочив волосы. Капли стекали по вискам, путались в прядях, прилипших к лицу.

Его руки мертвой хваткой вцепились в одеяло. Кожа на предплечьях блестела от пота.

Лу Фэн присел с краю, крепко удерживая Цуй Яна, чтобы тот не дёрнулся от боли. Глядя, как бледная кожа юноши становится прозрачной, как напрягаются его мышцы, он внезапно почувствовал... странное влечение.

Он замер, поражённый этой мыслью.

В памяти вдруг всплыла сцена из прошлого. В каменоломне всегда были молодые парни, у которых случались тайные свидания. Ожидая скорой свадьбы, они порой не могли сдержать чувств и искали уединения.

Однажды Лу Фэн случайно стал свидетелем такой встречи. В тусклом свете свечи он видел переплетённые тени. Лиц было не разобрать, лишь блеск пота на телах, капли, стекающие с волос, и белизну женских рук. Девушка закусила свою косу, чтобы сдержать стон. А в самый острый миг её голова откинулась назад, коса выпала из губ, сменившись прерывистым дыханием. Её пальцы на ногах судорожно сжались, а руки потянулись вверх, к любимому...

— М-м-м!.. — глухо простонал Цуй Ян, когда игла вновь проколола плоть.

Сил почти не осталось, он больше не мог сжимать зубами ткань — лоскут выпал из уголка рта. Юноша тяжело дышал, в его полузакрытых глазах блестели слёзы. Ступни судорожно напряглись, а пальцы разжались и потянулись вверх.

Лу Фэн, не осознавая, что делает, перехватил его руку и крепко сжал её.

В этот миг явь и воспоминание слились воедино. Лу Фэн почувствовал, как по жилам разливается жар, сердце забилось в бешеном ритме, а в горле пересохло. Это пламя, зародившееся где-то в глубине души, обожгло всё его существо.

«Я... неужели я желаю Цуй Яна? Но ведь он мужчина!» — в ужасе подумал Лу Фэн.

На следующее утро жители деревни Пиньян заявили в управу. Поскольку дело касалось родового дома Бао Цюшэна, старейшина клана Бао отправил человека известить пристава.

Бао Цюшэн выслушал соплеменника с каменным лицом. Узнав, что весть принёс Лу Фэн, а настоятель собрал людей, которые видели лишь спину убежавшего преступника, пристав немного расслабился.

— Понял. Возвращайся, запри дом и никого не впускай, — бросил он.

Когда соплеменник ушёл, Бао Цюшэн переменялся в лице и поспешил в комнату второго сына.

Бао Пинъань возлежал на резной кровати, старательно стеная. Рядом хлопотала смазливая служанка по имени Бао-эр. Видя «мучения» хозяина, она причитала:

— Господин, где болит? Скажите Бао-эр, моё сердце разрывается от вашей боли!

— Ох, милая Бао-эр, у меня всё тело ноет, — завывал Пинъань.

Служанка тут же залилась слезами.

Бао Цюшэн, прекрасно знавший уловки сына, холодно хмыкнул и указал на дверь:

— Ты. Пошла вон!

Служанки до смерти боялись пристава, поэтому Бао-эр мигом испарилась.

Пинъань вернулся домой на рассвете, подняв на ноги весь дом своими криками. Его мать, увидев изорванную одежду сына в пятнах крови, тут же подняла вой:

— Кто посмел ранить моего мальчика?!

Пинъань, не теряя времени, принялся жаловаться:

— Матушка, эти негодяи совсем распоясались! Напали на меня всей толпой!

— Что за сброд? Пусть отец их всех пересаждает! — причитала жена Бао Цюшэна, метая грозные взгляды на мужа.

Бао Цюшэн лишь нахмурился. Отправить сына в деревню Пиньян было его идеей. Несколько дней назад Пинъань проиграл всё до нитки в игорном доме и едва не затеял драку. Лишь благодаря связям отца дело удалось замять. Разгневанный непутёвым отпрыском, он отослал его в деревню, чтобы тот выведал секреты изготовления сяна. И вот к чему это привело.

— Рассказывай, как всё было, — сухо приказал он.

Пинъань начал вдохновенно врать: мол, решил он просто зайти в родовой дом, а его приняли за вора и погнали всей деревней. Он тыкал в свои ссадины и ныл:

— Матушка, тут болит, и там тоже...

Бао Цюшэн понимал: дело куда сложнее.

— Тебя кто-нибудь видел, когда ты возвращался?

— Нет! — гордо заявил Пинъань. — Я, как ты учил, шёл задворками.

Он победно взглянул на мать: «Каков я, а?»

Жена Бао Цюшэна, сокрушаясь над ранами сына, сердито зыркнула на мужа:

— Ребёнок так пострадал, а ты стоишь тут, как на допросе! Ты отец ему или кто? Почему не ловишь злодеев?!

Жена пристава была двоюродной сестрой уездного начальника, и именно благодаря этому

родству Бао Цюшэн крепко держался за своё место. Спорить с ней было опасно. Он велел сыну отдыхать, а сам вызвал верных людей, чтобы следили за делом.

Узнав, что подано официальное прошение, он вызвал Пинъаня для честного разговора. Тот, наконец, рассказал всё как было и выудил из-под подушки окровавленную тетрадь:

— Я не зря время тратил. Вот секретные рецепты, что ты просил. Жаль, только половина.

Бао Цюшэн перелистал испачканные кровью страницы, и глаза его азартно блеснули. В тетради были подробно описаны сроки засолки и сушки для разных видов рыбы — по сезонам, месяцам и способам. Всё было расписано до мелочей. С такими знаниями изготовление сяна было проще простого.

— Где вторая половина? — резко спросил он.

Пинъань, морщась от боли, выдавил:

— Этот Цуй Ян... с виду девка девкой, а как прижали — зверь зверем. Он вырвал остаток у меня из рук.

Бао Цюшэн пропустил мимо ушей жалобы сына, в его голове уже зрел план.

— Молодец. Хорошо поработал. Теперь лежи и не высовывайся.

Задобренный похвалой, Пинъань снова принялся стенать, и отец бросил ему серебряный слиток:

— Найми хорошего лекаря.

Уездный начальник, узнав, что ограбили арендаторов в доме пристава Бао, решил не вникать в подробности и поручил дело самому Цюшэну:

— Раз дом твой, тебе и карты в руки. Разберись.

В тот же день Бао Цюшэн прибыл в Пинъань. Первым делом он осмотрел дом. Следы борьбы были повсюду: в западном крыле, в келье и в коридоре. Трое разных людей оставили следы. Двое явно схватились, а третий вошёл позже — его шаги были размеренными.

Затем он отправился на горную тропу. Там всё было затоптано крестьянами, но на двух камнях он нашёл чёткие отпечатки сапог. Пристав незаметно стер их и пошёл к бамбуковой роще. Срезы на стеблях выдавали руку его сына. В голове пристава мгновенно сложилась картина

ночной схватки.

«Ну, Цуй Ян... — злобно подумал он. — Мой сын, может, и оболтус, но я не позволю тебе так с ним обращаться. Эту обиду я запомню, и придёт день — ты за всё ответишь!»

Когда Бао Цюшэн вошёл в келью храма Пиньян, Цуй Ян уже проснулся. Ночью он потерял сознание от боли, что было тревожным знаком. К счастью, лекарь Хуа Гудо, прослышав о медицинских познаниях настоятеля, оставил ему редкие снадобья. Одно из них помогало при осложнениях после ран — его-то и влил в Цуй Яна Лу Фэн, пока тот был в забытьи. Он не отходил от него до самого утра, пока из лавки Чжэньпиньцзай не прислали людей.

Приехал управляющий Се Чэнь с помощником. Он расспрашивал о здоровье и подробностях ночи, когда на пороге появился Бао Цюшэн.

Се Чэнь поднялся для поклона:

— Пристав Бао.

Бао Цюшэн удивился: незнакомец, а сразу признал его, да и одет богато. Не простой мужик.

— Кто таков? — спросил пристав.

— Се Чэнь, управляющий складом Ваньло лавки Чжэньпиньцзай, — вежливо ответил тот.

Пристав знал, что у владельца Чжэньпиньцзай есть четыре доверенных лица, и один из них как раз носил фамилию Се.

— Из тех самых Се, что служат молодому господину У?

Се Чэнь кивнул:

— Именно так.

Бао Цюшэн внутренне содрогнулся. Лавка ценила Цуй Яна куда выше, чем он предполагал. Но страха он не показал:

— Наслышан, управляющий Се.

Повернувшись к Цуй Яну, пристав объяснил цель визита:

— Уездный начальник получил прошение. Поскольку дело случилось в моём доме, он велел мне разобраться. Я уже осмотрел место, теперь хочу выслушать вас.

Цуй Ян рассказал всё без утайки. Бао Цюшэн слушал внимательно. Убедившись, что юноша не разглядел лица нападавшего, он окончательно успокоился.

— Ваши слова я записал. Есть ли улики?

Цуй Ян достал обрывок тетради:

— Не знаю почему, но вор не взял деньги. Его интересовала только эта тетрадь. В борьбе он вырвал половину, остальное осталось у меня. На последней странице, где чернила ещё не просохли, остался отпечаток пальца.

Пристав взял листок. Действительно, между двумя последними иероглифами виднелся четкий след большого пальца. По размеру он в точности совпадал с пальцем его сына.

«Хорошо, что дело веду я», — подумал он.

— Это важная улика, — веско произнёс пристав. — Я заберу её для доклада начальству.

Процедура была стандартной, и Цуй Ян кивнул:

— Пожалуйста, господин Бао.

Тот быстро свернул бумагу и спрятал в рукав. Се Чэнь, стоявший рядом, едва заметно нахмурился. До службы в Чжэньпиньцзай он был мелким чиновником в префектуре и знал порядок: улики должны заверяться минимум двумя людьми и опечатываться. А при таких ранах полагалось официальное освидетельствование. Но он промолчал. У Мосюань отправил его именно из-за опыта, чтобы присматривать за делом и страховать Цуй Яна.

Проводив пристава взглядом, Се Чэнь сказал:

— Отдыхай, я осмотрюсь снаружи.

Бао Цюшэн, выйдя из храма, всё ещё не чувствовал себя в безопасности. Он направился к дому Лу Фэна. Ведь именно тот поднял шум и первым бросился в погоню. Мог ли он что-то увидеть?

«Опять этот парень!» — зло подумал пристав и зычно крикнул у ворот:

— Лу Фэн дома?!

Лу Фэн спал. Ночная вахта и тревожные мысли о Цуй Яне вымотали его. Голова гудела, и он не сразу отозвался. Данян Лу, услышав голос пристава, вся задрожала. Сын успел рассказать ей лишь вкратце: в доме Цуй Яна был вор, тот ранен, настоятель наложил швы.

Данян Лу знала, как больно бывает от простого укола иглой, а уж шить живую плоть... Она втайне молилась за Цуй Яна, но сыну сказала строго: «Раз зашили и он жив — больше туда не ходи». Лу Фэн промолчал, сославшись на усталость.

Теперь же, услышав недобрый голос Бао Цюшэна, она поняла: быть беде.

— Пристав Бао... — пролепетала она, выходя к воротам.

— Где твой сын? — грубо спросил тот.

— Спит ещё.

Бао Цюшэн разозлился:

— В уезде заведено дело! Мне нужны его показания, а он дрыхнет!

— Он всю ночь глаз не смыкал, — попыталась оправдаться мать. — Погодите, я сейчас его кликну.

Лу Фэн уже проснулся. Он сел на кровати и начал одеваться, слушая бесцеремонные окрики пристава. Ему вспомнилось, как в прошлый раз после визита Бао Цюшэна мать заболела, а потом потребовала держаться подальше от Цуй Яна. И вот результат — юноша ранен. «Если бы я был рядом, этого бы не случилось!»

Ярость захлестнула его. Он вышел из комнаты раньше, чем мать успела его позвать:

— Я здесь. Что вам угодно, господин Бао?

Бао Цюшэн пришёл прощупать почву. Он вёл себя нагло, но в душе дрожал. Увидев дерзкий взгляд парня, он решил, что тот что-то знает. Старый пристав знал: в таких случаях нельзя давать слабину. Нужно запугать, сломить волю, чтобы человек побоялся открыть рот.

— Я при исполнении, а ты как со мной разговариваешь? — рявкнул он. — Небось, совесть нечиста? Ты первый поднял шум, а когда люди прибежали — вора и след простыл. Кто докажет, что это был не ты? Может, ты сам его и обокрал? Я пришёл по закону, а если будешь хамить...

Он сделал паузу и холодно добавил:

— Взять его! В управе допросим.

Данян Лу упала на колени:

— Господин пристав, помилуйте! Мой Фэн — честный человек, как он может быть вором?

— В тюрьме под палками быстро вспомнит, кто он такой, — процедил Бао Цюшэн.

— Господин Бао! — мать вцепилась в сына. — Мы честные люди, вы же знаете!

— Откуда мне знать? — осклабился тот. — Я знаю лишь, что яблоко от яблони недалеко падает. У твоего отца хватило наглости на преступление, и сын такой же.

Данян Лу побледнела как полотно. Её губы дрожали, но слова застряли в горле. Лу Фэн, вспомнив новогодние намёки пристава, спросил сквозь зубы:

— Что вы знаете о моем отце?

— Неужто не слышал? — издевательски рассмеялся пристав. — Твой отец...

— Господин Бао, умоляю, замолчите! — вскрикнула мать. — Я тоже слышала шум ночью, Афэн прибежал, когда вор уже скрылся!

— Откуда ты знаешь? — прищурился Цюшэн.

— Я... я видела из окна, — разрыдалась она.

— Ты же слепая, старая карга! Что ты могла увидеть в темноте?

— Я больше не слепая! Лекарь вылечил меня, я всё видела! — в отчаянии выкрикнула Данян Лу.

Лу Фэн шагнул вперёд:

— Я вышел на крик. Вор уже сбежал, Цуй Ян погнался за ним. Я заглянул в дом, увидел погром и бросился следом. Не смейте чернить честных людей!

Бао Цюшэн отступил. Он видел, что они не лгут: в темноте они действительно никого не узнали.

— Ладно, — буркнул он. — Поверю на этот раз. Но если потом ваши слова изменятся — пеняйте на себя.

Мать торопливо закивала. Неподалёку Се Чэнь, наблюдавший за сценой, снова нахмурился.

Лу Фэн помог матери войти в дом. Она была сама не своя. Он понял: тайна смерти отца куда страшнее, чем он думал.

Дождавшись, пока мать немного успокоится, он тихо спросил:

— Матушка, расскажи правду. Что тогда случилось?

Данян Лу долго молчала, но под настойчивым и любящим взглядом сына сдалась. Она поведала историю о прорванной дамбе и о том, как каменщика Лу обвинили в поставке некачественного камня.

Лу Фэн нахмурился. Он знал правила: на каждом камне для казённых строек высекалось имя мастера. Если камень треснет — мастер ответит головой. Старик Чэнь всегда твердил об этом.

— Неужели отец был так неосторожен? — усомнился Лу Фэн.

Мать разрыдалась: «Твой отец был лучшим мастером! Но против власти не пойдёшь. Стену дамбы изнутри засыпали битым щебнем, а на обломках выбили имя твоего отца. Он не строил эту дамбу, он лишь давал камень. Но вину свалили на него. Нас хотели сослать в Ячжоу, и лишь его смерть спасла нас».

Ярость вскипела в груди Лу Фэна:

— Значит, его оклеветали? Я не оставлю этого так! Я добьюсь правды!

— Тише! — мать закрыла ему рот рукой. — У них власть, Афэн. Нас сотрут в порошок.

— Тем более нельзя молчать! — Лу Фэн указал в сторону, куда ушёл пристав. — Он только что пытался сделать меня вором. Если не найдёт виновного, он и впрямь повесит это на меня!

— Не может быть... — прошептала мать.

— Ещё как может. Про Цуй Яна знают немногие. Вор пришёл за рецептами. Свои же, из клана Бао, и пришли. Они будут покрывать друг друга, а виноватым сделают чужака.

Лу Фэн помолчал, а затем твёрдо произнёс:

— Матушка, я всё решил. Сын за отца в ответе. Я очищу имя павшего и добьюсь справедливости. И для этого мне нужна помощь Цуй Яна и мощь лавки Чжэньпиньцзай.

Данянь Лу хотела возразить, но в этот миг снаружи раздался голос:

— Каменщик Лу дома?

<http://bllate.org/book/17486/1713818>